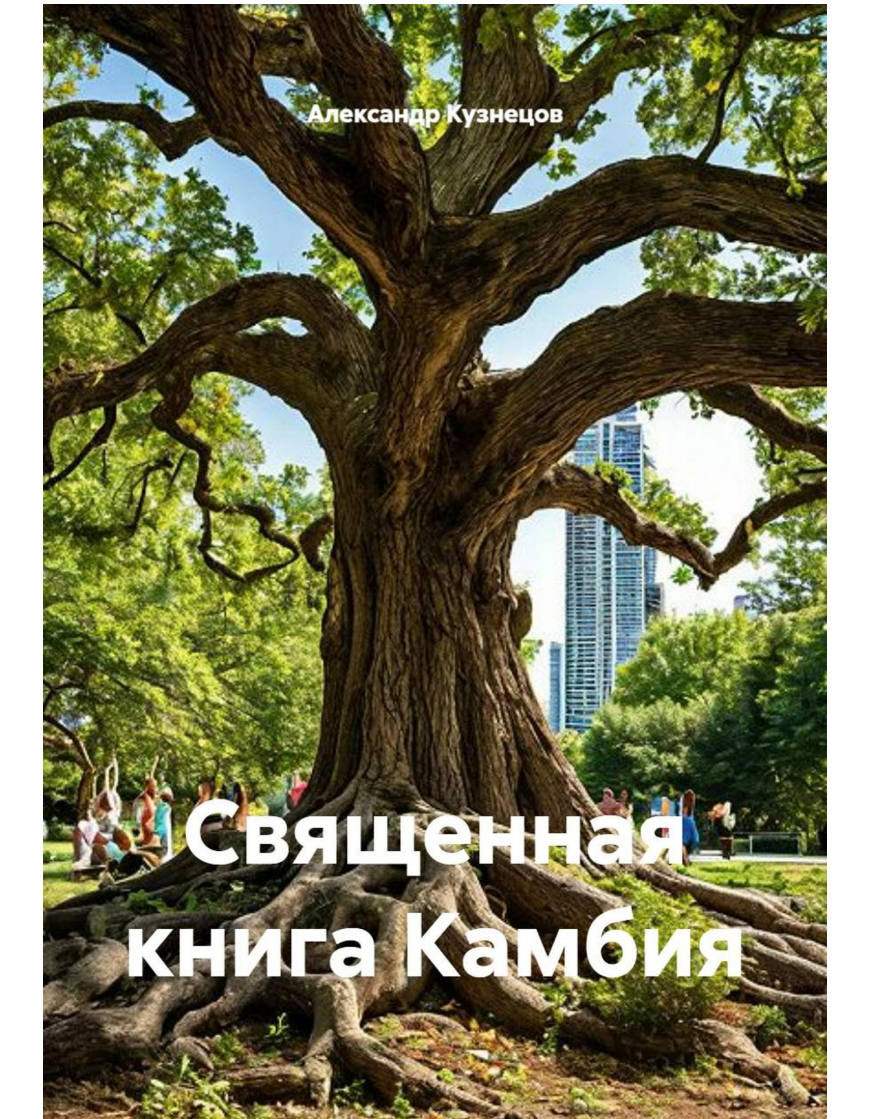

Александр Кузнецов

Священная книга Камбия

Александр Кузнецов

Священная книга Камбия

<https://litres.ru/74120896>

SelfPub; 2026

Аннотация

Философская притча в стиле постмодернизма для тех, кто устал от банальных книг про карму и реинкарнацию. Если вы скучали по метафизической иронии Виктора Пелевина и сарказму "Ивана Кублаханова", то эта сатирическая проза — для вас. Главный герой, циничный девелопер, цитирующий Бхагавад-гиту в оригинале, после смерти не попадает в рай, а перерождается... в дуб. Его новая дхарма — фотосинтез, а его мокша — листопад...

Содержание

Глава	4
Глава 1. Вечность, которая стала корой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Кузнецов

Священная книга Камбия

Глава

Священная книга Камбия

Глава 1. Вечность, которая стала корой

Как только появилось время, я смутно припомнил, что нечто подобное уже случалось. Первый момент был подобен вечности — никаких событий за эту вечность не произошло, и она была заполнена чистым существованием, лишенным каких бы то ни было качеств. Второй момент тоже был бесконечным, но эта новая бесконечность оказалась уже чуть короче — хотя бы потому, что она была новой, и потому что к ней уже начали прилипать тяжелые, липкие хлопья пра-крити — материальной энергии.

Я понял, что дальше время будет постоянно убыстряться, пока не достигнет такой скорости и напора, что случится непоправимое. И хоть до этого было еще далеко, мысль о том, что ускоряющееся падение в шахту самсары уже началось, вызвала у меня странную тоску. Тоска эта была не чистой и возвышенной, а мутной, замешанной на запахе сырой земли, озона и сандаловых благовоний. Я, Ермил Галактионович Камбиев, смутно помнил, что именно этот запах предшествовал моим самым странным кармическим решениям.

Эта мысль не была оформлена в словах — никаких слов он не знал, но, будь они ему известны, он, наверно, выбрал бы похожие. Его бессловесное понимание проникало пря-

мо в суть происходящего. Когда он наконец свыкся со своей неясной судьбой, он был уже бесконечно стар и мудр и спокойно взирал на ускоряющийся поток времени.

И тут в его бытие ворвалось нечто невообразимое. Он вдруг осознал, что имеет границы.

Что существует находящееся внутри него и за его пределами, а сам он заключен в некие рамки, за которые не в силах выйти. Это было непостижимо, но это было реальностью, тем новым законом, по которому ему предстояло существовать. А потом он ощутил, что, кроме границ, имеет еще и форму.

Самым удивительным было то, что всем этим неожиданностям просто неоткуда было братья — у них не было никакого источника, никакого корня, — но они все равно вторгались в его жизнь. Зато привыкать к новому стало легче, потому что время успело сильно разогнаться и все случилось крайне быстро.

— Так, стоп, — сказал я себе, или, вернее, сказала та часть моего сознания, которая отвечала за критическое мышление и которую я за неимением лучшего называл Внутренним Аудитором. — Давай проанализируем вводные данные. Границы есть. Форма есть. Пространства мало. Пахнет... чем-то древесно-терпким. Так, так, так. Это не материнская утроба. Это... желудь.

Но тут возник главный, самый пугающий вопрос. Почему я помню?

Согласно ведической космологии, царство растений — это глубочайший тамас, полусонное существование, где джива (индивидуальная душа) покрыта семислойной броней неведения. Растения не имеют развитого тонкого тела, чтобы хранить память о прошлых жизнях; их сознание — это просто слепая воля к жизни, биохимический алгоритм фотосинтеза и сокодвижения. По всем канонам, моя память должна была раствориться, как сахар в горячем чае, а мое «Я» — схлопнуться до уровня элементарной реакции на гравитацию и влагу.

Но оно не схлопнулось. Я помнил всё. Я помнил, как пахнет штукатурка в новом зале. Я помнил, как скрипят страницы санскритского оригинала «Бхагавад-гиты».

В своей прошлой, человеческой инкарнации, был человеком, который профессионально занимался расширением границ. Я был девелопером. Я сносил леса, чтобы строить «элитные эко-поселки», я поглощал мелкие компании, я выходил на новые рынки. Моя жизнь была гимном экспансии. И вот теперь, в качестве компенсации за эту экспансию, вселенская бухгалтерия, или, если угодно, Ямараджа, начальник отдела кармических взысканий, загнала меня в три кубических сантиметра твердой, одеревеневшей оболочки.

И тут до меня дошел смысл моей кармической аномалии. Я вспомнил, что в прошлой жизни я не просто «спонсировал» строительство кришнаитского храма, как цинично писал в своих мемуарах. Я его *строил*. Я своими руками ме-

сил раствор, я таскал кирпичи, я вкладывал в каждый камень мантру, которую я, в отличие от большинства современных «духовных», читал не в английском переводе, а в оригинале, на чистом, звенящем санскрите. Я годами произносил шлоки Гиты, вкладывая в них не корпоративный пиар, а искреннее, пусть и неуклюжее, усилие.

Это усилие, эта *сукрити* — духовный кредит, эта вибрация *шабда-брахмана* (звукового абсолюта), создала внутри моего тонкого тела нерушимый каркас. Санскритские мантры стали своего рода арматурой для моей *смрити* (памяти). Вселенская бухгалтерия, или Ямараджа, не могла аннулировать эту память, потому что она была оплачена чистым золотом преданности. Меня посадили в дерево за мои материальные грехи и эго, но оставили мне сознание, потому что мой дух уже знал, как читать между строк бытия.

— Ты думал, что строишь храм, а строишь собственную тюрьму? — ехидно прошептал Внутренний Аудитор, его голос звучал прямо в моей семенной коже, не вызывая никаких акустических колебаний. — Нет, Ермил. Ты строил храм, но карма решила, что тебе пора самому стать его несущей конструкцией. Ты хотел быть столпом общины? Держи свой столп. Теперь ты будешь стоять. Вечно. И единственная мантра, которую ты сможешь повторять, — это цикл Кребса.

Я попытался возмутиться, но у меня не было ни рта, ни голосовых связок. У меня была только джива — крошечная, перепуганная, но удивительно ясная искра сознания, запер-

тая в темнице эндосперма.

Привыкать к новому стало легче, потому что время успело сильно разогнаться. Прежняя жизнь, начало которой терялось в невыразимом, была очень долгой, но в ней не было ничего такого, о чем можно было бы думать; теперь же происходило многое, но мое сознание успевало только фиксировать изменения, которые стали слишком мимолетными, чтобы затронуть мою настоящую основу. Поняв это, я понял и то, что у меня есть настоящая основа, а осознать ее и значило проснуться.

Но проснуться не получалось. Потому что мой «сон» оказался на редкость липким и тяжелым.

Я пришел в себя и увидел главное — превращения происходили не с самим желудом. Превращалось мое отношение к нему. На самом деле я никогда не покидал первого мига, за границей которого началось время, но, пребывая в вечности, я все же постоянно следил за той причудливой рябью, которую вздымало время на поверхности моего сознания. А когда эта рябь стала больше походить на волны, и порывы времени стали угрожать моему покою, я ушел вглубь, туда, где ничто никогда не менялось, и понял, что вижу сон. Один из тех, что снились мне всегда. Сон по имени «Материальное существование».

Я часто впадал в это забытие и каждый раз принимал его за реальность. Для этого достаточно было просто перенести внимание на колышущуюся границу собственного сознания

— на эту проклятую семенную кожуру, на этот перидерм, — и проходящая по ней дрожь немедленно захватывала все мое существо до момента пробуждения.

Мои сны становились все более запутанными и странными. В них я продолжал расширяться, и моя форма усложнялась. Желая познать окружающий мир, я послал в него длинные протуберанцы, которые вскоре наткнулись на препятствие, вынудившее их согнуться и сложиться. Оказалось, что мир моих сновидений тоже имеет границу, и моя тюрьма — или крепость — довольно тесна. Эти протуберанцы были не чем иным, как зачатками будущего корня.

Но самое странное ждало впереди. Однажды я заметил, что постепенно изменился сам способ, которым я ощущаю мир своих снов. Точнее, не изменился, а появился — раньше никаких способов не было. А теперь я стал воспринимать разные качества мира разными частями сознания. Эта способность утончалась и разветвлялась, и постепенно прежнее простое присутствие оказалось расчлененным на ощущения от света, звука, вкуса и касания, которые были просто осколками прежней целостности. Я начал чувствовать влажность. Я начал чувствовать давление. Я начал чувствовать, как меня кто-то несет.

Сон продолжал сниться, и в нем появлялось все больше деталей. Я заметил, что меня закопали.

Да, именно так. Тот фантомный мир, который создавало вокруг меня время, решил, что мне недостаточно быть про-

сто запертым в желуде. Меня нужно было поместить в еще одну, внешнюю тюрьму. Меня поместили в почву.

— О, великая мудрость Упанишад, — простонал я, чувствуя, как тяжелые, влажные комья земли обрушиваются на мою семенную оболочку. — О, великие гуру, которые продавали мне курсы по «заземлению» за пять тысяч долларов! Вы хотели заземления? Вот оно. Тотальное, беспощадное, гравитационное заземление. Никаких тебе «корней в небе», только корни в навозе.

Справа и сверху раздавались никогда не стихающие удары огромного метронома — это дождевые капли били по уплотненной земле. Чуть ниже что-то с шорохом вздувалось и опадало — это дышала почва, переполненная нематодами и грибами. А совсем рядом время от времени начинал бурлить невидимый водопад — это просачивалась грунтовая вода. Этот шум звучал в моем сне постоянно, и я давно не обращал на него внимания. Интерес у меня вызывали другие звуки, которые складывались в длинные красивые последовательности. Иногда это был хруст — это какой-то мелкий жук пытался прогрызть мою оболочку.

— Эй, ты! — кричал я ему мысленно, на чистом, звенящем санскрите. — *Ахимса парамо дхармах!* Не смей есть мой перикарп!

Жук, разумеется, не слышал меня. Для него я был не вечной частицей сознания, начитантой ведических текстов, а просто калорийным орешком. И в этот момент я понял, что

концепция *ахимсы* — ненасилия — в мире растений работает только в одну сторону. Я не мог ударить жука. Я не мог даже прогнать его. Я мог только стоять (или, точнее, лежать) и терпеть. Это было первое по-настоящему унижительное испытание моей кармы. Я, который в прошлой жизни мог одним росчерком пера уволить пятьдесят человек и лично заложить фундамент для алтаря, теперь был беспомощен перед лицом одного голодного жука-щелкуна.

Все это вместе — звуки, свет, претерпеваемые мной толчки и собранный мной опыт — привело, конечно, к тому, что у меня сложилась безмолвная, но довольно ясная картина мироздания, которую в слова можно было облечь примерно так: я лежал в центре мира, созданного моей привычкой видеть сны, и этот мир имел некое устройство, а за близкой границей порядка и определенности царил хаос, откуда приходили свет, вода и жуки. Сила, необходимая для существования мира — и того кокона, где жил я, и окружающего хаоса, — исходила из центра моего живота через толстый мягкий канат, уплывавший куда-то мне под ноги.

Этот канат был не пуповиной, соединяющей меня с космосом, как у Ивана Кублаханова. Этот канат был стержневым корнем. И уплывал он не в хаос, а в самый что ни на есть конкретный, плотный, перегнойный горизонт почвы.

Что ждало этот мир? Я чувствовал, что быстрое расширение моего тела когда-нибудь прорвет оболочку, отделяющую меня от хаоса, и тогда наступит катастрофа. Но эта ка-

тастрофа могла наступить только со сном, а со мной самим, разумеется, ничего произойти не могло, потому что настоящий я, покоящийся в вечности, и был тем единственным, что происходило.

— Бред, — отрезал Внутренний Аудитор. — Настоящий ты сейчас находишься в состоянии *джива-бхуты*, обусловленной души, и он застрял в ксилеме. Твой «покой в вечности» — это просто защитная реакция психики, которая не хочет признавать, что ты стал биомассой. Ты не вечность, Ермил. Ты — органическое удобрение со знанием санскрита.

Я попытался возразить ему, попытался вспомнить шлоки из «Бхагавад-гиты», которые я так любил цитировать, чтобы удержать свое сознание от сползания в растительный тамас. «*Насато видьятэ бхавахо...*» — начал я мысленно бормотать, выстраивая в уме идеальную, нерушимую геометрию санскритских слогов. «*Не существует бытия для несуществующего...*»

— Заткнись, — шикнул на меня Аудитор. — Ты сейчас не в Гималаях. Ты в суглинке. Твой «третий глаз» — это апикальная меристема, и она сейчас пытается пробить слой мерзлой земли. Медитируй лучше на то, как не сломать себе верхушечную почку.

Медитировать не получалось. Боль, которая пришла ко мне, была не духовной, а сугубо биологической. Это было давление. Мучительное, тупое, всепоглощающее давление почвы, которая давила на меня со всех сторон. Раньше мне

казалось, что я буду бесконечно расширяться, пока не займу собой все существующее пространство, а теперь оказалось, что мир вокруг решил сдавить меня в точку, вернуть все к тому моменту, когда сон, еще безвредный и непонятный, только начинался.

Но я уже не мог исчезнуть. Я был просто не в состоянии поддаться сдавившей меня силе — я мог только страдать и ждать, когда страдание кончится. Страшные спазмы сминали и скручивали меня; это было не сокращение матки, а набухание. Я впитывал воду. Я разбухал. Моя семенная кожа, моя гордая, твердая граница, начала трещать.

— Ага, — злорадствовал Аудитор. — Твоя личная скорлупа трещит. Твое эго, которое ты так тщательно полировал годами, сейчас лопнет, как дешевый пакет из супермаркета. Ты хотел быть «человеком с корнями»? Держи свои корни.

И тут, рядом с той областью моего тела, которой я ощущал давление и влажность, вдруг появился просвет. Тонкая, белая, нежная нить пробила трещину в моей оболочке и устремилась вниз, в темноту. Это был мой первый корень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.